

Эдриан Гастингс

НАЦИОНАЛИЗМ КАК ХРИСТИАНСКИЙ ФЕНОМЕН

I

Всем известна история о том, как Сталин однажды с презрением заметил: «Папа? И сколько у него дивизий?»¹ По иронии истории ответом на этот риторический вопрос стал распад сталинской империи, причем именно в тот момент, когда пришло осознание, что католическая и националистическая Польша была тем единственным образованием, которое ей было совершенно не по силам переварить. И этому поспособствовал Папа-поляк². Стоит добавить, что единственной нацией, которую Британская империя, несмотря

на столетия террора, так и не смогла переварить, стала католическая и националистическая Ирландия. Также, если есть в нынешней Европе область, которая не стала приспосабливаться к либеральным стандартам европейской политики, то это — православная националистическая Сербия³. Во всех этих случаях мы видим непокорную силу национализма, имеющего основание в религиозной идентичности. Связь между национализмом и религией редко была столь укоренена и столь сильна, как в этих трех случаях. Тем не менее большинство европейских националистических идеологий имело в прошлом и имеет ныне весьма тесные связи с религией, как мы это видели на примере Англии. Хотя существовали и некоторые националистические идеологии, например в Шотландии, Швейцарии и Италии, где религия играла лишь роль вспомогательного элемента.

В этой главе мы рассмотрим национализм с точки зрения религии. Во-первых, речь пойдет о том многообразии путей, с помощью которых религия оказывает мощное влияние на процесс формирования наций и национализма, а во-вторых, мы обсудим универсалистское и антинационалистическое измерения христианства и ислама. В этой книге почти все исследуемые явления относятся к христианству. Я решительно утверждаю, что всякая этническая общность формируется под воздействием религии в неменьшей степени, чем под влиянием языка. Поэтому не

От редакции. Эдриан Гастингс (1929–2001) — католический священник; историк, специалист в области истории наций и национализма. Выпускник Оксфордского университета (1949), окончил также папский Университет св. Урбана в Риме, где получил степень доктора богословия (1958). В 1955 г. рукоположен в священник сан. В 1985–1996 гг. — профессор богословия, руководитель кафедры теологии и исследования религии в Университете Лидса. В 1985–2000 гг. — главный редактор журнала «Религия в Африке». Автор 21 монографии. Данная публикация — перевод заключительной, восьмой главы из его книги «Образование наций: этничность, религия и национализм» (*Hastings A. The construction of nationhood, ethnicity, religion and nationalism. Cambridge, 1997*). Следует иметь в виду, что Гастингс выступает здесь не только как ученый, но и как апологет своей конфессии. Название дано редакцией.

¹ Цитата известна во многих вариантах (*Прим. пер.*).

² Иоанн Павел II (*Прим. пер.*).

³ Писано в 1997 г. (*Прим. пер.*).

случайно, что когда, после изучения ранней стадии формирования этноса, исследователь обращается к процессу становления собственно нации, предметом его изучения становятся именно христианские народы. И причина не просто в том, что наши рассуждения в основном ограничиваются Европой. Дело не в этом. Я утверждаю, что и нация, и национализм — типично христианские явления, которые, коль скоро они встречаются где-либо еще, сделались таковыми в процессе вестернизации и подражания христианскому миру, даже если ему подражали в большей степени как западному, а не как христианскому.

Единственное подлинное исключение из данного правила, которое я признаю, — это евреи. Их действительно можно назвать истинной протонацией: ведь в Ветхом Завете представлена, в лице древнего Израиля, модель, которую приняли позднее христианские нации. Однако в период от падения Иерусалима в I веке и до создания государства Израиль в XX в. евреи были настолько далеки от того, чтобы являть собой национальное государство или хотя бы определенный политический субъект, что они перестали представлять собой нацию в том смысле, в котором мы ее здесь рассматриваем. Основной парадокс еврейской истории состоит в том, что народ, который дал миру сами образцы нации и национальной государственности, утратил их почти на два тысячелетия и все-таки выжил. Хотя евреи, потеряв государство, территорию, а затем и даже всякую видимость политического национализма, став в большинстве своем нарочито аполитичными, все же сохранили ядро своей национальной идентичности благодаря использованию коллективной памяти и собственной религии, основанной на уникальной письменной традиции. Каким бы ни был их разговорный язык, евреи всегда спланивались вокруг еврейской Библии и связанных с ней текстов. Более того, в итоге они

спланивались скорее в нацию, чем в этническую общину. Причем в эту нацию входили разные субэтноты, например, ашкенази и сефарды. Необычайно, что столь многочисленный народ, в котором так много образованных и богатых людей, не только не имел собственного, но и не был включен в состав какого-либо чужого государства или же был включен минимально. Их маргинальное положение было следствием христианского или исламского характера государств, в которых они жили. Именно отсутствие политического измерения в еврейской истории вплоть до XX в. поражает больше всего. Однако в секуляризованных государствах, лишенных укорененного этнического национализма, это отсутствие не было ни абсолютным, ни неизменным. Пример Америки может послужить в этом смысле образцом. Но чем более националистической в этническом смысле становилась политическая система вокруг евреев в течение XIX в., тем более очевидным становилась ненормальность их положения и тем неизбежной становился подъем сионизма.

Сионизм не был религиозным движением. Иудейская религия вполне приспособилась к существованию в рассеянии, и долгое время отношения между сионизмом и иудаизмом были неприязненными. Сионизм был националистическим движением, которому способствовало давление других националистических движений в европейском мире. Как и у них, его целью было создание национального государства; и прискорбно, что в исследованиях по национализму обычно избегают рассмотрения этого факта. В случае евреев соблюдена основная последовательность: нация — национализм — национальное государство. Кроме того, их случай свидетельствует о том, что пока нет национализма, нация может быть почти невидимой. Действительно, для многих отдельных евреев их еврейскую идентичность можно было определить как этническую и религиозную, в то вре-

мя как их национальная идентичность была английской, французской или немецкой⁴. Для некоторых это и сейчас так. В еврейской национальной истории имел место длительный разрыв, и современный еврейский национализм и национальная идентичность являются скорее последним, чем первым звеном в исторической цепи. Поэтому нам показалось оптимальным начать изучение истории возникновения наций и национализма с Англии, которая фактически является мировой протонацией, несмотря на то что в рамках христианской истории Англии предшествовали более изолированные примеры Эфиопии и Армении.

Третьим ответвлением авраамического монотеизма является ислам, мировая религия, имеющая много общего с иудаизмом и христианством. Но в нашем случае у них совсем мало общего, что я постараюсь показать. Христианство по своей собственной природе являлось средством формирования наций и даже национализмов, в то время как ислам был, напротив, глубоко антинационален. Большинство смутных рассуждений о взаимоотношении религии и национализма обесмысливаются, когда допускается, что всякая религия годится для производства одинаковых политических результатов. Это не так.

Вернемся к влиянию религии на национализм. Обычно представляется, что оно вызывается избыточностью, в том или ином аспекте, вклада религии в конструирование самой национальной идентичности. Чем большее влияние на нацию оказала религия, тем лучше эта нация, в свою очередь, может влиять на всякую внешнюю форму данной религии. В то время как нация, существование которой мало обязано религиозным факторам, с гораздо меньшей вероятностью породит впоследствии нацио-

нализм с религиозным характером. Итак, мы должны в основном обозреть разные, неизбежно накладывающиеся друг на друга пути, которыми христианство формировало строение наций, и я предлагаю сделать это, выделив следующие семь пунктов. Во-первых, это сакрализация отправной точки формирования нации; во-вторых, мифологизация и поддержание памяти о великих угрозах национальной идентичности; в-третьих, общественная роль духовенства; в-четвертых, создание литературы на национальном языке; в-пятых, предоставление библейской модели для нации; в-шестых, автокефалия национальной Церкви; в-седьмых, утверждение идеи об уникальности исторического пути нации.

Начнем с пункта об *определении и канонизации истоков*. У нас есть потрясающий недавний пример во Франции: спор о том, как подобающим образом отпраздновать крещение Хлодвига в Реймсе (496 г.) святым Ремигием. Связь между франкским королевством Хлодвига и современной Францией может показаться весьма слабой, но нельзя не признать тот факт, что результатом обращения Хлодвига была стабилизация франкской идентичности в начале ее исторического развития, продолжающегося до наших дней. Это событие успешно привело франков к католицизму, с великой пользой для обеих сторон (какой контраст с арианством вестготов!), и произошло это в Реймском соборе, который стал коронационным храмом для франкских королей. Несмотря на значимость этого события, трудно отделаться от мысли о некоторой второстепенности его значения для самого франкского королевства. Епископ Реймса, конечно же, утвердился там задолго до Хлодвига, и, несмотря на важность данного события для самого Реймса, это не поставило под сомнение первенство лионской кафедры, первенства, символизирующего тот факт, что галлы жили здесь прежде франков и продолжали доминировать.

⁴ Увлекательное исследование взаимоотношений английской и еврейской национальных идентичностей см. в кн.: J. Shapiro. Shakespeare and the Jews. N. Y., 1996.

По преданию, святой Ремигий наделил Хлодвига способностью излечивать золотуху прикосновением. Франки стали правой рукой католической Церкви, их король — христианнейшим царем, и если французская нация, возможно, более, чем любая другая из европейских наций, выросла из государства, созданного монархией, тогда Хлодвиг, его крещение и Реймский собор — основополагающие факторы того процесса, который сделал Францию Францией. Не генетическое происхождение народов, но их происхождение как единых общностей с определенного момента народной истории — вот что действительно важно. Поэтому католицизм является необходимой составляющей французской идентичности не только в понимании реакционного национализма «Аксьон Франсез». Для светской республики крещение короля пятнадцать столетий назад также является событием, которое нельзя просто проигнорировать.

В главе 2 мы видели, как христианство различными путями решительно формировало основы английской нации. Власть архиепископа Кентерберийского объединила Англию в то время, когда, по сути, еще нечего было объединять. А Беда⁵ ясно изложил свою позицию, создав историю одновременно Церкви и нации, в эпоху, когда по всей стране еще царствовало полдюжины разных королей. Альфред⁶, переводчик «Пастырского правила» папы Григория⁷ и «Истории» Беда, обладавший

ярко выраженным церковным сознанием, стал фактически первым королем Англии, наследником Беда и Августина Кентерберийского в неменьшей степени, чем Инне или Оффа⁸.

Если мы обратимся к Ирландии или Сербии, мы увидим другую парадигму основания нации, в центре которой стоит фигура одного конкретного святого, Патрика или Саввы. Ничего подобного нет в Англии или Франции. Может быть, имеющая решающее значение фигура единственного основателя, апостола или святого, больше подходит для осмысления национальной идентичности в религиозных категориях, чем более неоднозначные процессы, инициированные монархией в других странах. Такое осмысление, несомненно, легче переживает эпоху республиканизма. Кроме того, почти везде ранний этап развития христианских наций связан с правлением сменяющих друг друга канонизированных царей. Так было в России и Эфиопии; но едва ли в меньшей степени, по крайней мере, в глазах Элреда Ривоского⁹, это касалось и королей Англии. Обращение в христианство в средневековом мире снова и снова выстраивало национальную идентичность вокруг определенной королевской династии и определенных святых мест. Несомненно, это происходило в результате близкого отождествления Церкви с королевской властью. Церковь возвышает, освящает и делает устойчивой эту власть, но одновременно она фактически подчинена ей. Таким образом, новая национальная идентичность появляется в результате некой религиозной инъекции. Хлодвиг обладал властью исцелять золотуху только

⁵ Беда Достопочтенный (ок. 672–735) — бенедиктинский монах, историк и богослов. Написал одну из первых историй Англии под названием «Церковная история народа англов» (*Прим. пер.*).

⁶ Альфред Великий (ок. 849–899) — первый из королей Уэссекса, использовавший в официальных документах титул короля Англии (*Прим. пер.*).

⁷ Григорий I Великий (Двоеслов) (ок. 540–604) — папа Римский (590–604), отец и учитель Церкви (*Прим. пер.*).

⁸ Инне (†728) — король Уэссекса (688–726). Оффа — король Мерсии в 757–796 гг. и король Восточной Англии в 794–796 гг. (*Прим. пер.*).

⁹ Элред Ривоский (1110–1167) — средневековый английский историк и богослов, аббат монастыря Риво в Северном Йоркшире, католический святой (*Прим. пер.*).

потому, что этой властью наделил его святой Ремигий, но потомки короля будут отныне владеть ею всегда. И хотя первоначально получателем и обладателем сакральных даров был в первую очередь король, нация впоследствии утверждает свою идентичность, занимая пространство смыслов, которое возникает вокруг фигуры помазанника. Подобно тому как Израиль обретался вокруг Давида или Соломона, так и национальная идентичность утверждалась вначале в значительной степени в границах Церкви, еще до того как ее легализовала королевская власть (заметим, что в Англии процесс развивался несколько иначе, т.к. короли здесь, за исключением Элреда, в общем, имели меньшее значение). В случае Ирландии действие данной модели еще более очевидно. Исключительное положение святого Патрика в стране определялось как его личными достижениями (немногими, насколько мы знаем), так и тем фактом, что в Ирландии не было династии, освященной Церковью. В то же время святой Савва, при всей значимости его личности, неотделим в своей роли основателя нации от царской династии, к которой он принадлежал.

Савва был намного более политической фигурой, чем Патрик, и его фигуру было очень просто взять на вооружение националистам. Величие же Патрика заключается в том, что он создал очень заметный маркер идентичности страны, несмотря на то что был аполитичен как Сам Христос. Несомненно, празднование Дня святого Патрика является часто весьма националистическим делом, но празднование Дня святого Саввы является таковым неизбежно.

Другой тип влияния религии на процесс зарождения нации проявляется в случае ее возникновения в ходе религиозного конфликта. Классический пример — Голландия. Можно спорить о степени самобытности северных Нидерландов в период до Реформации, но именно религиозная борьба протестантов с католической Испанией

определила их основные отличия, независимость, и отделение от южных Нидерландов. Затруднительное положение Голландии в XVI в. было очень похоже на проблему елизаветинской Англии, и Голландия вполне могла бы не сохраниться без помощи английских экспедиционных войск. В то время как английская национальная государственность уже существовала, голландской еще не было, и как результат, голландское национальное самосознание и национализм теснее связаны с протестантской идентичностью, которая была причиной их появления на свет. Стоит сравнить этот пример со случаем Португалии, нации, которая выросла из религиозных войн, а конкретней — Крестовых походов. Португальская национальная идентичность в результате была отмечена в веках особо воинственным типом католицизма, агрессивного, националистического, антиисламского. В неменьшей степени решающую роль в формировании испанской национальной идентичности сыграла приверженность идее христианской Реконкисты Иберийского полуострова. Для обеих стран воинственный националистический католицизм оставался значительным фактором еще и в XX веке.

Эти примеры наводят на мысль, что, в широком смысле, для религиозного формирования национализма необходимо наличие борьбы за фронт. В случае, если ряд стран разделяет общую религию, их национальный характер, скорее всего, будет развиваться без постоянного религиозного влияния, наличие которого предполагает атмосфера фронта (католики пред лицом мусульман, православные пред лицом католиков, протестанты пред лицом католиков). Когда народ чувствует угрозу самому своему существованию пред лицом силы, сопряженной с другой религией, на политический конфликт с большой вероятностью накладывается чувство религиозного конфликта, почти крестового похода. В результате национальная идентич-

ность сливается с идентичностью религиозной.

Это подводит нас ко второму фактору — *мифологизации угроз национальной идентичности*. Возьмем, к примеру, Пороховой заговор, осаду Дерри, битву на Косовом Поле или возвышение Жанны д'Арк. Все это исторические моменты, в которых речь идет о спасении нации. Практически в каждом случае есть предатели — полковник Ланди, Вук Бранкович, Гай Фокс, епископ Кошон, — присутствие которых обостряет противостояние «своих» и «чужих». В каждом случае присутствует чувство абсолютной преданности братству «своих» и нравственная пропасть, отделяющая «своих» от «чужих», угрожающих нашей «свободе, религии и законам», будь они мусульмане, католики или просто епископ-приспособленец, желающий послужить своим заграничным хозяевам. «Бог на нашей стороне», это особенно очевидно в такие моменты, даже если позже их станут рассматривать только как дело случая.

Такие события редко и впрямь бывали решающими. Такое значение зачастую приписывалось им позднее, хотя из этого не следует, что оно было в действительности ложным, даже в историческом смысле. Скорее, в ретроспективе, масштабные исторические процессы упрощались и ассоциировались в народной памяти с каким-либо единичным событием или героической фигурой, наиболее подходящими для укрепления самобытной идентичности. Большая часть событий была просто забыта или, по крайней мере, перестала вызывать какие-либо эмоции. Осада Дерри или Пороховой заговор были возведены в ритуал именно для того, чтобы обеспечить социализацию каждого последующего поколения в рамках мировоззрения, основанного на разделении на «своих» и «чужих», мировоззрения одновременно националистического и религиозного. По-видимому, именно квазирелигиозное восприятие этих, на самом деле совершенно секу-

лярных событий, сделало достоверной столь значительную смысловую нагрузку. Такие события и их ритуализация не просто поддерживают национальную идентичность, они являются мощными инструментами для продвижения национализма. В своей автобиографии Нельсон Мандела описывает всеобщее воодушевление, охватившее заключенных во время чтения оды Чаке¹⁰ на первом суде по делу о государственной измене в Южной Африке: «Внезапно не стало ни коса, ни зулуса, ни индуса, ни африканца, ни правого, ни левого, ни политических, ни религиозных лидеров; мы все были националистами... В тот момент мы почувствовали руку великого прошлого... и силу великого дела, которое связало нас вместе»¹¹.

Наш третий религиозный фактор в процессе утверждения национальной идентичности — это *духовенство*. Конечно, не везде и не всегда. Раннесредневековое, ограниченное своим местопребыванием, почти необразованное священство вряд ли полностью выполняло эту роль. Однако достоин внимания тот факт, что Элред Ривоский, происходивший из рода потомственных сельских священников Гексама, в «Генеалогии английских королей» и «Житии Эдварда Исповедника» проявляет себя как весьма национально-сознательный автор¹². На самом деле роль сколько-нибудь образованного и высокопоставленного духовенства в обществах Средневековья и раннего Нового времени состояла в том, чтобы быть посредником в распространении национальной идентичности между правящим и управляемым классами.

¹⁰ Чака (Шака) (1787–1828) — основатель и первый правитель державы зулу (*Прим. нр.*).

¹¹ *Nelson Mandela. Long Walk to Freedom.* London, 1994. P. 188.

¹² См.: *Rosalind Ransford. A Kind of Noah's Ark: Aelred of Rievaulx and National Identity // Religion and National Identity, Studies in Church History* (ed. Stuart Mews). Oxford, 1982. P. 137–146.

Хобсбаум, выражая скепсис насчет существования национального самосознания в эту эпоху, заметил, что «переносить наши выводы с элиты на массу, с грамотных на неграмотных мы, безусловно, не вправе, пусть даже два этих мира и невозможно совершенно отделить друг от друга»¹³. Он подчеркивает: тот факт, что хорватская знать считала себя чем-то вроде нации, вовсе не значит, что «рядовой состав простонародья», хорватские крестьяне, разделяли такое самосознание¹⁴. Почему должны крестьяне «отождествлять себя со “страной”, состоящей из сословия господ, которое неизбежно являлось главной мишенью их недовольства»?¹⁵ Несомненно, в таком противопоставлении есть доля истины, хотя я подозреваю, что оно основано на несостоятельном социологическом анализе, который предполагает, что классовая идентичность просто предшествует общинной идентичности. Разве многие из нас перестали определять себя британцами, хотя долгие годы наши правители, Маргарет Тэтчер и Джон Мейджор, «были основной мишенью нашего недовольства»? Но основная слабость классового анализа у Хобсбаума мне видится в том, что, рассматривая традиционную Европу, он игнорирует третий класс, духовенство. Именно низшее духовенство, живущее на своих приходах по всей Европе, относительно бедное, грамотное, получившее образование в соборных школах или, начиная с XIII в., все чаще в университетах, находящееся в постоянном соприкосновении как с землевладельцами, так и с крестьянами, — именно оно стимулировало чувство общей местной, областной или национальной идентичности. Самые первые университеты были исключительно общеевропейскими, но с ростом их

числа они становились все более и более национальными и даже националистичными по духу. Уже в 1214 г. студенты Парижского университета целую неделю праздновали победу при Бувине¹⁶. Неудивительно, что Оуэн Глендур¹⁷ хотел открыть пару университетов в Уэльсе. С XVI в. ту же роль играют семинарии. Иногда они становятся прямо-таки рассадниками национализма, но их основная роль — подготовка людей, которые будут вести обучение неграмотных или полуграмотных на родном для них языке, а для этого им самим была нужна религиозная литература на национальном языке. В таких условиях духовенство было вынуждено мыслить в категориях, имеющих отношение к данной местности, выраженных на местном языке и все более и более национальных.

Наиболее очевидным этот процесс становится с XVI в. не только в связи с переводом протестантским духовенством богослужения на национальные языки, но и в связи с деятельностью национального католического духовенства — французского, испанского или ирландского. Однако фактически движение началось значительно раньше и стало одним из факторов, подтолкнувших священников к уходу в движения наподобие лоллардов¹⁸. Но даже если

¹⁶ Сражение в ходе англо-французской войны между войсками французского короля Филиппа II Августа и англо-фламандско-немецкой коалиции, возглавляемой императором Священной Римской империи Оттоном IV. Завершилась победой французов и усилением королевской Франции (*Прим. пер.*).

¹⁷ Оуэн Глендур, коронованный как Оуэн IV Уэльский (1349 — ок. 1416) — последний валлиец, носивший титул принца Уэльского. Был инициатором длительного и ожесточенного, но в итоге неудачного восстания против английского господства в Уэльсе (*Прим. пер.*).

¹⁸ Лолларды (от *ср.-нидерл.* lollaert — бормочущий) — средневековое еретическое дви-

¹³ *E.J. Hobsbawm. Nations and Nationalism since 1780. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. P. 48.*

¹⁴ *Ibid. P. 76.*

¹⁵ *Ibid. P. 74.*

не брать во внимание случай лоллардов, пастырские задачи Церкви требовали большего использования родного языка и национальной литературы, как только для этого появилась возможность. Обращение Церкви к национальным языкам не является достижением Реформации. Мы видим этот процесс уже в Англии X в., в миссионерской деятельности Кирилла и Мефодия и, по-видимому, в любой стране Западной Европы. Являясь связующим звеном между классами, духовенство (а оно часто было очень многочисленно) неизменно обеспечивало, путем исполнения пастырских функций, некоторую общность самосознания у богатых и бедных, грамотных и неграмотных, знати и крестьян, будучи при этом связано со всеми классами сразу. Священники были не просто проповедниками в узком смысле этого слова, но также учителями истории и многих других дисциплин. Так, Лайамон, некий священник в селе Вустершира конца XII в., сочинил стихотворение «Брут», первую историю Англии на английском, включающую сведения про королей Артура, Лира и Цимбелина. Несомненно, литературное мастерство Лайамона являлось исключением из правил, но та социальная роль, которую он выполнял, была общим правилом. Сельские священники обеспечивали причастность нации всех классов. Издание литературы на национальных языках, причем в допротестантской Церкви, значительно увеличивало их вклад в процесс формирования наций. Имон Даффи в исследовании под названием «Демонтаж алтарей» показал, что печатное дело в Англии между 1470 (когда оно началось) и 1530 годами в основном было посвящено изданию «широкого круга назидательных и дидактических трактатов, созданных для того, чтобы содейство-

вать традиционному благочестию» совершенно ортодоксального свойства. Большая их часть была на английском, и «печатание дало сильнейший толчок движению за религиозное просвещение на родном языке»¹⁹. На самом деле уже до этого, с XIV в., многие тексты циркулировали в рукописном виде. В главе 4 я предположил, какое влияние имел данный процесс во Франции XVII в., а в главе 5 рассмотрел его влияние на хорватскую идентичность. Таким образом, нам становится очевидным, как духовенство, просто выполняя свою работу, активизировало процесс формирования национального самосознания путем широкого распространения литературы на национальных языках. Я полагаю, что именно этот процесс (а он шел по всей Европе) зафиксировал границы основных национальных идентичностей, разделенных именно по признаку наличия собственной литературы. И он сыграл намного большую роль в формировании наций, чем какие-либо политические факторы. В течение XIX в. данную роль низшего духовенства взяли на себя учителя средней школы и, отчасти, университетские преподаватели.

Это подводит нас к нашему четвертому фактору, с помощью которого религия оказывала влияние на формирование наций, — *поддержке литературы на родном языке*. Действительно, всякая обширная национальная литература по существу способствует утверждению сознательного чувства национальной идентичности. Чтобы понять значимость этого фактора для взаимосвязи между религией и национальной идентичностью в европейском контексте, необходимо исследовать, во-первых, природу христианства как религии перевода и, во-вторых, рассмотреть интригующую взаимосвязь между фактом владения Библией (как Ветхого, так и Нового Заветов), и рас-

жение социально-уравнительного характера. Лолларды выступали против церковной иерархии, монашества и учения о таинствах католической церкви (*Прим. неф.*).

¹⁹ E. Duffy. The Stripping of the Altars: Traditional Religion in England 1400–1580. New Haven, 1992. P. 77, 79.

пространением национального самосознания. Бенедикт Андерсон утверждал, что подъем наций и национализма стал возможен только с падением влияния религий с их «священными языками». Это большое недоразумение. Христианство никогда не имело священного языка. Если бы имело, это был бы, наверное, арамейский язык, на котором говорил Иисус, «Слово, ставшее плотью», но христиане быстро перестали им пользоваться после того как вышли из Палестины (хотя немногие до сих пор его используют). Но его никогда не считали священным. Не считали таковым даже греческий, на котором написан Новый Завет. Только в каком-то фундаменталистском течении христианской традиции язык мог сделаться священным, но это входит в противоречие с самой сущностью этой религии. Поразительно другое: сама готовность христиан снова и снова переводить Священное Писание на сирийский, армянский, коптский, эфиопский и латинский в ранние века, затем на славянский и, наконец, на почти бесчисленное количество других языков в Новейшее время. Несомненно, бывали периоды бескомпромиссного лингвистического консерватизма со стороны церковных властей, особенно папства, но совершенно ошибочно считать готовность Церкви к новым переводам Священного Писания — одну из центральных черт христианства в целом — чисто протестантской особенностью. Также не стоит сомневаться, что попытка со стороны части римских клириков сделать латынь отдельным «священным» языком была не чем иным, как отклонением от норм христианства. Поразительна скорость, с которой были освоены христианскими писателями национальные литературы Западной Европы: валлийская, ирландская, английская, немецкая, французская, голландская и другие. Этому способствовали существенные черты христианства: отсутствие текстов, написанных Самим Иисусом, и приверженность универса-

лизму, ясно выраженному в Новом Завете — «научить все народы» (Мф. 28, 19). Текст о Пятидесятнице во 2-й главе Деяний, который можно рассматривать как изложение фундаментального церковного мифа, делает акцент именно на непохожесть языков парфян, мидян, эламитов и других, «слышим их нашими языками говорящих о великих делах Божиих» (Деян. 2, 11). И так, использование мировых языков было имманентным христианству в самых его истоках. Ни еврейский, ни греческий или латинский языки не имели особых претензий на исключительное для него значение. Утвердилось всеобщее представление, что священные тексты остаются столь же священными и в переводе. Об этом говорит раннее предание, гласящее, что Евангелие от Матфея изначально было написано на арамейском, и лишь затем переведено на греческий; об этом свидетельствуют и переводы на латынь и сирийский уже во II в. Таким образом, христианство считало культуру перевода чем-то само собой разумеющимся. Оно также опиралось на многочисленные места в Новом Завете, где мир представляется состоящим из «народов» и «наций», и на Ветхий Завет, где предлагалась модель того, как должна выглядеть нация. Когда Регино Прюмский²⁰ писал свою «Хронику» (около 900 г.), он так изложил то, что можно назвать нормативным христианским взглядом на человеческое общество: «Как разные народы (*diversae nationes populorum*) различаются между собой по происхождению, нравам, языку и законам (*genere, moribus, lingua, legibus*), так святая и вселенская Церковь среди этих народов различается в своих церковных обычаях, хотя и повсюду в мире скреплена в единстве веры»²¹. Здесь не

²⁰ Регино Прюмский (840–915) — аббат Прюмского аббатства (Лотарингия), хронист (*Прим. пер.*).

²¹ *Regino of Prüm. Chronicon // Monumenta Germaniae Historica: Scriptorum Rerum Germanicarum* (65). P. XX. Quoted in: Susan Reyn-

ставится под вопрос единство и универсализм Церкви, которые неизбежно ограничивают степень приемлемого религиозного многообразия для разных народов. В то же время существование наций и различия между ними принимаются как само собой разумеющийся факт, также как и разнообразие церковных обычаев, отражающих эти различия.

Повторим, что в единстве христианской веры многообразие наций, обычаев и языков просто принимается как данность. У человека, который обращается к Новому Завету как к главному руководству, объясняющему устройство мира, это утверждение не вызовет особых сомнений. Это подводит нас к пятому фактору — *Библии*, выступающей в качестве образца, дающего возможность представить и создать христианскую нацию. В понятиях Нового Завета, Господь может благоволить народу, но единственной избранной нации быть не может — ведь только сама Церковь есть Новый Израиль. Тем не менее Ветхий Завет подробно описывает, что собой представляет теоцентричная нация и какова ее судьба в случае богоотступничества. Почему бы Богу и сейчас действовать иначе? Почему бы какой-либо нации, право на существование которой утверждено Новым Заветом, не удостоиться провиденциальной роли в духе Ветхого Завета? Уже писатели, подобные Беде, начинают примерять к собственному народу то, что можно назвать ветхозаветной политической икономией, частью которой была вера в божественное расположение к данному конкретному народу. Джон Барбур, шотландский поэт XIV в., описывал национальное сопротивление англичанам по аналогии с историей Маккавеев. Подобные аналогии выглядели вполне естественными и даже очевидными для вовлеченного в события современника. В сфере богословия вряд ли сле-

дует приписывать особое положение какому-либо народу, но его сложно отрицать в сфере политической или исторической судьбы. Чем больше Ветхий Завет переводился на народные языки, чем больше он становился доступным не искушенным в богословии мирянам, тем больше было возможностей приписать богоизбранность своей собственной нации: столь сильно на политическое воображение христиан действовал пример Ветхого Завета. Мы уже видели, как это действовало в средневековой Франции и Англии XVII в., но любопытный факт: даже Руссо, секулярный пророк нового национализма, читая лекцию полякам о том, как быть нацией, апеллировал к примеру Моисея как идеального строителя нации.

Этой тенденции очень способствовал наш шестой фактор — *развитие автокефальных государственных Церквей* (сначала в православной традиции, особенно у славян, затем в протестантизме). Полная церковная автономия национальных церквей является одним из сильнейших и наиболее устойчивых факторов в поддержке национализма, потому что это чрезвычайно способствует стремлению применить к своей собственной Церкви и народу ветхозаветную приверженность Божества к единственной нации и новозаветную приверженность к единой Церкви.

Все аспекты, рассматривавшиеся до сих пор, можно с легкостью объединить под нашей последней рубрикой — *святость нации и особая судьба*. Когда для некоей нации разрабатывается христианская история, начинающаяся с крещения первого короля и описывающая избавление от великих опасностей, — история народной веры и божественного провидения; когда над Библией размышляют на своем родном языке со всей непосредственностью, которая из этого следует; когда своя собственная Церковь полностью независима от любой другой и полностью отождествляется с национальной Церковью, тогда легче кажется переход на следующую

ступень — объявление себя избранным народом, святой нацией, с особой Божественной миссией. Эту парадигму предоставил Ветхий Завет. Нация за нацией применяли ее к себе, укрепляя в процессе свою идентичность.

Хобсбаум посвящает несколько интересных страниц своей книги понятию «Святая Русь», опираясь на исследование Михаила Чернявского «Царь и народ»²². С Русью Хобсбаум кратко сопоставляет «святую Ирландию» и «святой Тироль». Почему они должны быть святыми и почему на этом надо остановиться? Для Чернявского страна может быть святой, «только если она способна заявить особые притязания во всемирной икономии спасения»²³. Русь могла их заявить как наследница Византии, ставшая «Третьим Римом». Это вполне справедливо, но, как предполагает Хобсбаум, русские крестьяне едва ли нуждались в таком экклесиологическом аргументе, чтобы быть уверенными, что Русь — Богом избранная земля. Такое убеждение происходит скорее из народного богословия творения и воплощения, перетолковывающего в библейском ключе представления дохристианских верований о сакральности данного пространства. Такие интуиции можно встретить в жизни христианской Церкви, в ее литургическом круге, одновременно имеющем основание в смене времен года и Библии. Отсюда следует уверенность, что именно этот народ, наш народ, избран Богом, как был некогда избран Израиль. Как я предположил в 6-й главе, мы находим этому прекрасный пример у эфиопов, символически представленный в замечательном мифе о перенесении ковчега Завета Менеликом²⁴ из Иеру-

салима в Аксум. Эфиопия становится, следовательно, истинным — христианским — Израилем. Несомненно, в глазах франков франки были не менее святы. И в английских глазах — англичане. А в сербских — сербы. И, наконец, американцы также ощущают себя избранной нацией, хотя слово «наконец», наверное, не очень удачно. Каждый народ достаточно отчетливо видит свое «предначертание судьбы». Почему конкретно Тироль так себя видит, я лично не знаю, но, несомненно, у него есть на то достаточные основания.

Однажды, когда я прогуливался по валу Оффы, я остановился у одиноко стоящего дома, чтобы попросить стакан воды. Пока я его пил, пожилая женщина, принесшая и чашку молока в придачу, спросила меня, немного смущаясь, мог ли Оффа быть одним из царей, о которых мы читаем в Библии. Библия так просто прививается аборигенам! Сама суть этих многословных историй из жизни израильского народа и способность Церкви сохранять память о них наводит на мысль о связи более чем богословского толка между избранным народом и нами. Само понятие «святого народа», богоизбранного, но переживающего в своей непростой истории взлеты и падения, так просто применить к жизни поближе к дому. Конечно, для ранних христиан и в постоянном богословском созерцании вселенской Церкви это понятие реализуется во вселенском сообществе верных, а никак не в какой-то одной нации, но для обычных христиан, мирян и клириков, это может казаться слишком абстрактным, слишком неполитичным. Даже такой благочестивый богослов, как Беда, может помочь снова направить универсальное в русло национального.

Энтони Смит отрицал, что германский национал-социализм можно точно определить как национализм, на довольно странном обосновании, что он несовместим с националистическим видением множественности свободных

²² *Michael Cherniavsky. Tsar and People: Studies in Russian Myths. New Haven, 1961.*

²³ *Hobsbawm. Nations and Nationalism. P. 49.*

²⁴ Согласно эфиопской летописной традиции, Менеликом звался сын царя Соломона и аксумской царицы Балкис (царица Савская) (*Прим. пер.*).

наций²⁵. Но разве можно на самом деле определить принадлежность к клубу националистов в столь изысканных терминах, и не является ли такое определение вообще-то весьма антиисторичным? Разве какой-либо мощный национализм когда-либо признавал, что другие нации имеют такое же значение, как собственная нация? Я бы возразил ему, что в этом пункте германский национализм нацистского типа, несмотря на его особо жестокий характер, в принципе довольно близок к нормативному национализму, т.е. норме, основывающейся на Библии. Корни крайнего крыла европейского национализма лежат именно здесь, в широко принятой христианской предпосылке, что может существовать только одна избранная нация, своя собственная, истинный наследник древнего Израиля. Позже мы обсудим тот факт, что эта предпосылка противоречит самой христианской вере, сейчас нам важно осознать, насколько влиятельной она была и остается в христианском опыте. Также представляется, что чем настойчивей некто определяет свою собственную нацию в качестве избранной, тем больше он может хотеть стереть первую избранную нацию — евреев — с лица земли. Наиболее значительные националистические идеологии в Европе выросли из ряда таких отождествлений, часто влияющих друг на друга. При этом многие, если не все, идеологии, о которых идет речь, восприняли в Новое время секулярную форму. Поэтому не следует думать, что современные, светские формы национализма как-то отвергают его истоки. Более того, твердая скала религии, на которую в прошлом опиралось представление о себе как об избранной нации, и сейчас придает огромную силу национальной борьбе на уровне массового сознания.

Из-за отсутствия определенного политического учения в Новом Завете,

как и в раннем христианском сообществе, христианство не выступает в начале своей истории, как ислам, с какой-либо собственной наглядной политической моделью. В результате, когда христиане пришли к власти, они получили возможность двигаться в двух очень разных направлениях. Одно направление — это национальное государство; другое — мировая империя. Оба пути проявляются в христианской истории очень рано. Первым государством, принявшим христианство, была Армения в конце III в., и сохранение армянской национальной идентичности с того времени до настоящего, несомненно, одно из самых примечательных явлений в истории человечества. Монархия не сохранилась, зато сохранилась армянская Библия, литургия и связанная с этим литература. Случай Эфиопии имеет близкое сходство. Сложно ожидать, что маленькие царства того периода переживут в той или иной форме пятнадцать столетий. Ключ к их национальному выживанию видится мне в том, что принятие христианства дало обоим государствам и литературу на родном языке, и идею нации, из которой выросла реальная нация, способная пережить вековые превратности политики.

II

Мы видели, что национальная модель возобновляется снова и снова. Однако, если взглянуть на некоторые центральные периоды христианской истории, можно также увидеть совсем другое явление, а именно, принятие иной модели — модели мировой империи, в качестве которой выступают сменяющие друг друга реинкарнации Римской империи. В этой парадигме христиане в неменьшей степени чувствовали себя как дома. Мировая империя соотносилась, географически и политически, с типом религиозного общества, каким они сами себя видели. Так же они были способны видеть действие Промысла в истории Римской империи, как другие христиане видели его действие в сози-

дании Армении, Франции или Англии. Не было никакой богословской причины думать, что поскольку евреи имели национальное государство, христиане тоже обязаны жить в национальных государствах. Нации существуют, согласно многочисленным новозаветным текстам, разделенные по языку и культуре, но они могут пребывать таковыми и в Римской империи. Нации, но не национальные государства. У Евсевия или Лактанция вы найдете прославление Константина и предопределенность Империи.

Хотя на Западе Империя вскоре после этого рухнула, идея Империи — нет. Ее возрожденный вариант при Карле Великом и прерывистое существование в качестве Священной Римской Империи германской нации и в качестве папской империи (в Средние века и раннее Новое время, вплоть до начала XIX в.) никогда не достигало уровня устойчивого интернационального единства. По части имперской власти империя добилась создания относительно децентрализованной федерации провинций и городов, а по части папства — очень влиятельного единства канонического права. Империя никогда никоим образом не включала в себя Англию; довольно скоро она уменьшилась, и в ней остались только Италия и Германия, а затем только Германия и прилегающие к ней территории. Тем не менее ею вдохновлялся Данте. Одной из причин, по которой средневековая империя потерпела крах, была ее неспособность работать с папством; они, казалось, представляли угрозу друг для друга, хотя фактически империя и папство сходились в стремлении утвердить христианский мир, который был бы чем-то большим, чем просто собрание национальных государств. И если в положительном смысле политические достижения у обеих сторон не выглядят убедительными, то с точки зрения отрицательной они поспособствовали ограничению в развитии национальных государств, вплоть до очень позднего времени, как,

например, в Германии и Италии. Спрашивается, почему эти две страны, лежащие в центре Европы, столь отставали в продолжительном процессе «модернизирующего» развития, которое шло гораздо успешнее на таких окраинах, как Англия или Испания? Наверно потому, что на них слишком сильно воздействовала другая, более масштабная концепция государства; концепция, для которой, на поверку, время тогда еще не пришло. Можно предположить, что эта концепция более соответствовала глубинному христианскому опыту, новозаветной интуиции, что «нет ни Эллина, ни Иудея... но все одно во Христе» (Кол. 3, 11; Гал. 3, 28), чем вдохновленная Ветхим Заветом концепция национального государства.

Многонациональная империя Габсбургов была последним оплотом главного политического эксперимента первых пятнадцати столетий христианской эры, и Евросоюз вполне можно рассматривать как его возрождение. Великие города, подобные Кельну и Болонье, вполне счастливо просуществовали большую часть своей истории вне национальных государств, пребывая внутри подобия децентрализованной империи. Для них опыт национального государства на протяжении немногим более столетия был достаточно разрушительным, чтобы сделать вывод, что лучше предпочесть другие пути утверждения собственного суверенитета. Неудивительно, что в них отсутствует некоторая неприязнь по отношению к Евросоюзу, которая есть у очень многих людей в Англии, где национальное государство имеет наиболее длительную историю и где, к тому же, до недавнего времени царил исключительный успех в политике и экономике.

Мы настаиваем на том, что хотя национальное государство было по большей части сформировано христианской и библейской культурой и без нее оно почти непредставимо, это был не единственный политический выбор, созвучный с христианской культурой или ев-

ропейской традицией; и действительно, в своей полной форме национальное государство расцвело именно в постреформационной культуре. Несмотря на то что оно было фактически выращено в Средние века, национальное государство было в то же время антипатично основным политическим традициям католицизма, как папского, так и имперского.

Но в гораздо большей степени национальное государство враждебно исламу. Ислам изначально предполагал политическую модель мировой империи, основанную на умме, сообществе верных, и обладающую одним подлинно священным языком. Развернутая модель ислама и его ранняя история не только противостояла всему, похожему на множественность национальных государств, но, в отличие от христианства, она также противостояла языковым различиям. Его культура — не культура перевода, но культура ассимиляции. Это доказал Ламин Саннеб в своей известной книге «Перевод Послания»²⁶. Интересно, что такой же вывод был сделан в XVI в. одним наблюдательным арабом, который стал христианином и монахом в эфиопском монастыре Дабра Либанос. Энбаком написал свою *Angasa Amin*, «Дверь веры»²⁷, в 1540 г. во время джихада Ахмеда Левши. Это апологетическая работа, сравнивающая ислам и христианство, написана с целью показать преимущество последнего. Один из самых интересных аргументов автора заключался в том, что Коран — это книга одного языка, арабского, в то время как Библия существует на двадцати языках. Он приводит на них множество цитат с тем, чтобы показать, что христианство везде чувствует себя свободно. Энбаком угадал

принципиальный пункт расхождения двух религий. Отношение мусульман к Корану делает перевод практически невозможным. Для религиозного человека Коран следует читать, громко декламировать или слушать на арабском пять раз в день. Следовательно, культурное влияние ислама заключается в арабизации, затягивании людей в единую мировую общность языка и управления. Так и произошло. Даже язык Египта исчез пред лицом ислама, если не считать языка христианской литургии. Ислам не конструирует нации, но деконструирует. Это исторический факт, и этот факт имеет основание в богословии. Если мы осознали это, нам будет очевидно, что формирование наций внутри христианского мира происходило не само по себе, без влияния христианской религии, но стимулировалось отношением христианства и к языку, и к государству.

Хотя и мусульмане, и христиане признают себя частью авраамической традиции, мусульмане не включают еврейское Писание в корпус своих священных книг, как это делают христиане. Это значит, что мусульмане никогда не испытывали влияния примера ветхозаветного государства, в отличие от христиан, которые постоянно были под его влиянием, даже в XX в. В результате в то время как христианство всегда политически колебалось между национальным и универсальным государством, в исламской традиции ничего подобного не было. Ислам во всех отношениях склонен к гораздо большему универсализму в политике. Ему присуща практика религиозных ограничений в отношении национализма, в то время как христианство так и не преуспело на этом пути. Это, конечно, не значит, что мусульманские сообщества не могут развиться в нации. Могут, но только их религия не поможет им в этом, а напротив, направит усилия на создание иных социальных и политических систем.

Иранцы и турки, как и все народы к востоку от Ирана, сопротивлялись

²⁶ *Lamin Sanneh*. *Translating the Message: The Missionary Impact on Culture*. N. Y., 1990.

²⁷ *E.J. van Donzel* (ed.). *Enbaqom. Angasa Amin (La Porte de la Foi): Apologie thiopienne du christianisme contre L'Islam partir du Coran*. Leiden, 1969.

арабизации. Политически и лингвистически создание единого мирового сообщества было невозможно и преждевременно и тысячу, и пятьсот лет тому назад (хотя сейчас — может быть и нет). Саму по себе арабизацию можно рассматривать как значительный пример формирования нации, сравнимый с офранцузиванием (некоторые его таковым и считали). Увлеченность современного мира национальными государствами неизбежно приводит к тому, что некоторые модернизаторы воображают некую «арабскую нацию», простирающуюся от Марокко до Ирака. Это ошибочное мнение, и только приложение западных категорий к арабской истории сделало это мнение правдоподобным или привлекательным для арабских представителей. Арабский «национализм», как и турецкий или египетский «национализм», возник лишь примерно за двадцать лет до Первой мировой войны, когда влияние европейского мышления достигло на Ближнем Востоке апогея и принималось без критики. По сути это была западная, укорененная в христианстве идея, совершенно чуждая исламу, при этом тесно связанная с секуляризацией и с наличием значительной коренной арабоязычной христианской популяции, особенно в Египте и Палестине. Конечно, теоретически возможно, что распространение арабского языка когда-нибудь создаст арабскую нацию, но ждать этого не больше смысла, чем ожидать того же результата от распространения английского.

Следующая цитата из Калима Сиддики абсолютно ясно выражает специфически исламский подход к национализму. В рамках истории он может быть упрощением, но в рамках центрального исламского политического и религиозного идеала он совершенно точен. «Сегодня мы встали лицом к лицу с возможно величайшим злом, идущим по миру, злом национализма... Путь уммы и путь исламского движения в умме блокируются национальными государствами.

Эти национальные государства — словно огромные валуны, набросанные на нашем пути ураганом недавней истории. Все национальные государства, которые сегодня оккупируют, поработщуют и эксплуатируют земли, людей и ресурсы уммы, с необходимостью должны быть уничтожены»²⁸.

По мере того как христианство раскалывалось на разные церковные течения, дуализм, скрытый в его политической повестке (формирование наций, с одной стороны, и универсализм — с другой), продолжал обостряться. Классическая форма восточного Православия, делающая акцент на власти императора, была, в принципе, достаточно универсалистской в своем видении Константинополя как «Нового Рима». Но на практике Византия была сугубо греческой империей, отчужденно относящейся к не-греческому населению в Египте, Сирии или на Западе. Это сочеталось со значительным уровнем цезарепапизма, породившего тип отношений Церкви и государства, характерный для восточных автокефальных Церквей, сильно склонных к национализму.

На Западе, напротив, основная католическая традиция под папским влиянием всегда склонялась к универсализму в структурировании общества, в противовес притязаниям абсолютистских режимов на национальный суверенитет. Хотя католическая Церковь на практике часто поддерживала национализм в Испании, Франции, Ирландии или Польше, ее энтузиазм в национальных вопросах ограничен, по крайней мере в областях, находящихся под сильным влиянием папства. В раннее Новое время там, где национальная монархия наиболее плотно контролировала католическую Церковь (как в Испании или Франции), националистическое измерение христианства чув-

²⁸ M. Ghayasuddin (ed.). *The Impact of Nationalism on the Muslim World*. London, 1986. P. 1, 4.

ствовало себя не менее вольготно, чем в англиканской Англии. Но там, где, как в Ирландии XIX в., епископы были ультрамонтанами, ответственными перед Папой, чьей задачей было умиротворять британское правительство, чтобы иметь возможность ходатайствовать о жалобах ирландских крестьян, — там католическая Церковь была по сути сдерживающим, а не стимулирующим фактором для национализма.

Все это касается только институционального уровня. На личном, народном или общественном уровне все могло быть иначе. Низшее духовенство в Ирландии могло быть более националистичным, чем епископы. А в фашистской Италии или нацистской Германии все могло быть наоборот: обычные священники часто выступали против нового национализма более твердо, чем священноначалие. Дело в том, что католическое христианство в широком смысле было одновременно инкарнационалистским и универсалистским. Католицизм стремился к тесной ассоциации с отдельными общинами, культурами и нациями и в то же время настаивал на единстве этих самостоятельных существ. Он колебался, так сказать, между Ветхо- и Новозаветными источниками вдохновения. Неверно представлять себе отношение христианства к нации в рамках только одной из этих двух парадигм; особенно это касается западного христианства с его многовековой приверженностью к дуализму, различию «двух мечей» из классической теории Геласия, т.е. Церкви и государства, Папы и императора. В королевской церкви Вестминстера главной святыней была усыпальница Эдуарда Исповедника, короля и святого, однако более почитаемой народом была усыпальница Томаса Бекета, архиепископа, от короля умученного, расположенная в соборе Кентерберри. Неудивительно, что усыпальницу Томаса с особым остервенением уничтожил Генрих VIII. Томас Бекет, тем не менее, был приверженцем принципа христианского дуа-

лизма, который различает требования Бога и притязания Кесаря. А из этого с необходимостью следует и ограничение прав суверенности, не только Кесаря, но и нации тоже. Как сказал другой Томас²⁹, которого обезглавил Генрих: «верный слуга королю, но в первую очередь — Богу».

Одним из двигателей Реформации отчасти была идея отказа от универсалистских притязаний католической Церкви, а также отторжение всякого рода дуализма, который лоббировали правители, стремящиеся к монополизации светской и духовной власти в своих владениях. В позднем Средневековье процесс национализации Церкви развивался практически неконтролируемо, параллельно с укреплением национальных идентичностей через язык, литературу и создание государств. Христианство вступало в новый мир, для рождения которого оно само так много сделало, но который оно было почти не в силах обуздать или даже просто понять. В английских приходских церквях было убрано Распятие со своего центрального места над сводом алтаря, а королевский герб занял его место. Чем больше во всех церковных традициях стала преобладать монополия цезарепапизма, тем больше Церковь поддерживала (почти неограниченно) национализм. В протестантском мире это особенно касалось англиканства и лютеранства. Политический компромисс, которым завершились Религиозные войны в XVII в., *cujus regio ejus et religio*³⁰, был практически отречением от универсалистской сущности христианства пред лицом триумфа государственного суверенитета, в принципе партикуляристского и часто националистического по духу. Такой принцип был слишком абсурден, чтобы работать, и он неизбежно привел

²⁹ Томас Мор (1478–1535) — английский мыслитель-гуманист, святой католической Церкви (*Прим. пер.*).

³⁰ Чья власть, того и вера (*лат.*) (*Прим. пер.*).

к новой свободе, в одних областях чуть быстрее, чем в других. Зачастую протестантизм двигался по националистическому пути не только благодаря эрастианству³¹, но и вследствие большего, в сравнении с католицизмом, значения Ветхого Завета для формирования христианского сознания. Христиане, в общем, всегда стремились использовать Ветхий Завет, особенно его историческую часть, для подбора прецедентов и проведения аналогий между сегодняшним днем и ветхозаветной историей. Такой подход легко приводит к отождествлению общего опыта некоего народа с опытом Израиля, что идет на пользу национализму и что долгое время определяло наивно-националистический характер мышления большинства протестантов. «Нации существуют по Божьему предписанию», — написал Уильям Темпл³² в 1915 г., и их существование является, следовательно, «инструментом божественного замысла»³³. Для Темпла, как и для Руссо, Моисей был великим строителем нации. За пять лет до этого, в 1910 году, Темпл был распорядителем на Эдинбургской миссионерской конференции, где в докладе ее первой Комиссии было принято положение о том, что «Христос никогда учением или примером не противостоял и не препятствовал духу истинного национализма»³⁴.

Современный протестантизм обнаружил, что весьма трудно освободиться от подобного, довольно смягченного, употребления национальных категорий

в области политического и морального анализа. Однако Оксфордская конференция по вопросам Церкви, общества и государства в 1937 году — наиболее серьезная ассамблея, которую протестанты когда-либо созывали для рассмотрения политических вопросов, — более успешно боролась против двойственной природы нации и национализма: ее решения были более зрелыми, по сравнению с Эдинбургской конференцией 1910 г. или мыслями Уильяма Темпла в 1915 г.³⁵.

В смысле комплиментарного отношения к национализму задавали тон некоторые из Свободных Церквей³⁶, хотя и не всегда. Евангелический протестантизм часто совмещал сильную преданность универсализму в высоких духовных понятиях с сугубой преданностью партикуляризму в понятиях политических. В главе 3 мы видели, как легко ранние методисты вернулись к сугубо националистической позиции по отношению к Ирландии³⁷. Но, несомненно,

³⁵ The Churches Survey their Task. The Report of the Conference at Oxford, July 1937 // Church, Community and State. London, 1937. Особое внимание следует обратить на «Расширенный доклад по вопросам отношений Церкви и общества» (Р. 188–240), который обязан своей окончательной редакцией сэру Вальтеру Моберли, председателю одноименной секции данной конференции. Наиболее проницательный анализ наций и национализма с христианских позиций в период перед Второй мировой войной содержится в книге: *Christopher Dawson. The Judgement of the Nations*. London, 1943.

³⁶ Общее название протестантских организаций, которые находятся вне юрисдикции каких-либо иерархических структур и полностью автономны в вопросах вероучения, общности и внутренней жизни (*Прим. пер.*).

³⁷ Случай современного Фиджи также весьма примечателен. Это, пожалуй, самое «методистское» общество в мире, и методизм является ядром местного национализма. Попытка экуменически настроенных методистов возглавить фиджийскую Церковь

³¹ Учение Томаса Эраста (1524–1583), швейцарского врача и богослова, о главенстве государства в церковных вопросах (*Прим. пер.*).

³² Уильям Темпл, архиепископ Кентерберийский (1881–1944) — лидер экуменического движения, один из создателей Всемирного Совета Церквей (*Прим. пер.*).

³³ *William Temple. Church and Nation*. London, 1915. Р. 45.

³⁴ «Carrying the Gospel to the Non-Christian World». Report of Commission 1 // World Missionary Conference, Edinburgh, 1910.

именно в этих сообществах были приняты наиболее творческие усилия для освобождения протестантизма и самого христианства от уз национализма. Именно группы вроде меннонитов и квакеров постарались сделать христианский дух невосприимчивым для национализма. Таким образом, маленькие негосударственные церкви и очень большие, международные церкви наименее подвержены национализму, а церкви на Востоке и Западе, учрежденные государством, — всецело ему подвержены. Со временем национальные церкви все больше и больше теряли свой авторитет, и, конечно, некоторые из них (наиболее заметно — Англиканская Церковь) вместо этого трансформировались в международные сообщества. Только в Восточной Европе это направление развития, центральное для современного христианства, все еще с трудом пробивает себе дорогу.

III

Национализм многим обязан религии, особенно христианству. Нации, по моим представлениям, сформировались в результате характерного для Средневековья и раннего Нового времени процесса постоянного увеличения числа литератур на родных языках и оформления различных государственных институтов, вовлеченных в данный процесс. В значительной степени данное явление зависело от Церкви, ее писаний и ее клира. Процесс формирования нации и национализма не несет в себе почти ничего, связанного с современностью. Только когда модернизация уже носилась в воздухе, он почти случайно стал ее частью, особенно с XVIII в., когда политический и экономический успех Англии сделал модернизацию примером для подражания. Но нации могут появиться в таких несовременных государствах, как древняя Эфиопия или Армения, и не появиться

в ренессансной Италии или даже Пруссии Фридриха Великого. Христианство, с одной стороны, способствовало развитию наций, как созидая, так и разрушая, а с другой — всегда проявлялось и другое, универсалистское его измерение, инструментом которого выступало то папство, то империя, то борцы за эмансипацию Церкви. Конечно, именно эту сторону те из нас, кто причастен западному экуменическому опыту, в основном предпочитают поддерживать. Да, религия в прошлом очень много сделала, чтобы создать, например, нынешние противоречия в Ирландии, да так, что они до сих пор имеют вид религиозных противоречий. Но верно и то, что большая часть того, что живо в религии сегодняшней Ирландии, крайне заинтересовано в преодолении этих противоречий. Хотя церкви во многих частях света не только до сих пор крайне националистичны, но они также продолжают усиливать мифы и практики, вызывающие отчуждение между сообществами. На этой почве неизбежно развиваются конкурирующие национализмы. Приведу один пример. Я вспоминаю, как слушал незабвенную речь Гаррета Фицджеральда, в то время министра иностранных дел Ирландской республики, на международном совещании по вопросам межконфессиональных браков, проводившемся в Дублине в сентябре 1974 г.³⁸ Он говорил в качестве мирянина, римо-католика, и обратил внимание на то, как, на примере Ирландии, межконфессиональный брак ломает социальные и политические барьеры, в то время как религиозная сегрегация, стимулируемая римским каноническим правом, усиливает национализм. Мне тоже сложно поверить, что конфликтующие национализмы современной Ирландии остались бы такими же интенсивными, если практи-

³⁸ Beyond Tolerance: The Challenge of Mixed Marriage // A Record of the International Consultation held in Dublin, 1974 (ed. Michael Hurley). London, 1975. Appendix II. P. 188–193.

ка браков между католиками и протестантами была бы шире.

Несомненно, межконфессиональные браки могут в некоторых обстоятельствах угрожать самому существованию некоего сообщества, а в других обстоятельствах — угрожать его чистоте и действовать как красная тряпка на быка, усугубляя уже наличествующий национализм. Если в Белфасте было мало таких браков, то в Сараево их было очень много. В этом видели угрозу сербской идентичности, и одной из целей той разновидности национализма, которую проповедовал доктор Караджич, было именно положить этому конец, предотвратить дальнейшее загрязнение сербской крови. Свобода жениться, невзирая на межэтнические границы, является антинационалистической. В ситуациях гегемонии и шариата, и католическое каноническое право систематически использовались, чтобы сделать межконфессиональные браки эффективным инструментом подавления меньшинств. Только при условии, что допускаются отношения подлинной взаимности, межконфессиональные браки могут, как они, по сути, и призваны делать, связывать соседствующие сообщества³⁹. Остается фактом, что межконфессиональный брак, нарушающий этнические границы, укрепляет территориальную идентичность, но несет угрозу этнической идентичности и является проклятием для этнических националистов. Межконфессиональные браки и национализм фактически являются противоположностями, и если национализм кому-то требуется свести на нет, то нужно поощрять такие браки. В очаровательной песне «Старая оранжевая флейта» («The Old Orange Flute») Боб Вильямсон, протестант, ткач из Дангэннона, предал свой народ и его национальную идентичность:

Этот гнусный предатель нас всех
обманул:
Взял в жены папистку он, Бриджет
МакГинн,
Сам стал папистом, из войска сбежал,
Которое принесло нам свободу,
религию и законы.

Случился бунт, Боб и Бриджет убежали в Коннаут. Если он (и такие как он) остались бы и их бы стало больше, неужели переплетение семейных отношений между двумя сообществами не привело бы неизбежно к появлению снизу чувства единой нации? Так происходило в Сараево, пока этнический национализм не был вынужден положить конец такому опасному единству.

Я бы хотел завершить беседу о формировании наций и о факторах, сдерживающих этот процесс, окинув тему более широким взором. Я обращусь к двум людям, один из которых англичанин, другой — ирландец. Надеюсь, так и подобает сделать англичанину, приглашенному читать лекцию в Ольстере.

Мой англичанин — это Вильям Шекспир. Я вкратце касался его довольно националистических исторических пьес в главе 2, но сейчас, возвращаясь к нему, обращаю внимание на совсем другое произведение.

Националистические пьесы, от «Ричарда II» до «Генриха V», были написаны в юношеском задоре в 1590-х, когда английский национализм переживал подъем, в годы самых яростных сражений Испанской войны⁴⁰. Это пьесы, кипящие энергией, грубоватые, подчеркнута английские, хотя там можно найти в подтексте и некоторый критический анализ, особенно касательно отношения монархии к народу. Но в последние годы жизни Шекспир вернулся к нашей теме в совсем ином ключе. «Цимбелин» — это пьеса о Британии, не об Англии. Конечно, она была написана после того, как Яков VI Шотланд-

³⁹ *Adrian Hastings*. Intermarriage and the Wider Society, Beyond Tolerance. P. 18. Reprinted in: *A. Hastings*. The Faces of God. London, 1975. P. 117–125.

⁴⁰ Англо-испанская война 1585–1604 гг. (*Прим. пер.*).

ский стал Яковом I Английским, и закончилась Испанская война, и, соответственно, сложились обстоятельства, при которых Шекспир мог, вероятно, думать о нации и мире в более экуменическом ключе. Чувствуется в «Цимбелине», несмотря на невероятное напряжение и трудности личной биографии автора, некое спокойствие, обретенный мир. Тем не менее это история неразумной и националистичной Британии, понуждаемой к тому, чтобы быть «отдельным миром»⁴¹, где отказ платить формальную дань Риму и подрыв гармонии в отечестве вызваны махинациями очень злой королевы. Помня Глориану Спенсера⁴², трудно избавиться от подозрения, что образ принципиально безымянной королевы у Шекспира отсылает нас к Елизавете I. Сыновья Цимбелина, носящие римские имена, давным-давно были спрятаны в пещере в горах Уэльса другим римлянином, с которым Британия плохо обошлась и который, соответственно, скрывается под именем Морган. Рим — универсальное место, где изгнанные британцы могут смешиваться с французами, испанцами и голландцами, — посылает своих «джентри»⁴³, чтобы вернуть Британию в отчий дом — Европу, а Имогена, славная британская принцесса, скрывающаяся под видом мальчика, бьется в рядах европейской армии. В битве Цимбелин терпит поражение и попадает в плен, затем его спасает Морган и его мнимые сыновья. Плененные римляне, в свою очередь, вот-вот будут казнены, вопреки всем цивилизованным нормам, как вдруг нечестие королевы наконец открывается Цимбелину, как и правда о его сыновьях. Пелена разрушительной

слепоты национализма спадает с британских глаз. Благодаря Уэльсу обнаруживается истинная «римскость» Британии, и Цимбелин, одержавший победу в битве, обещает возобновить выплату «нашей обычной дани». Итак, крайний национализм повержен, и восстановлен мир между Цезарем и Цимбелином, Брюсселем и Лондоном, Уэльсом и Англией, международным сообществом и национальным государством, возможно даже — между католицизмом и национальной Церковью. Но именно британское скорее, чем английское измерение нашей идентичности сделало это возможным. Дорога из Рима пролегает через Милфордскую гавань⁴⁴. На этот невероятно выразительный символизм последнего волеизъявления Шекспира, связанного с темой национальной идентичности, к сожалению, обычно не обращают внимания.

Мой ирландец — это святой Комгалл, который основал аббатство в Бангоре (немного за границей современного Белфаста) в середине VI в., за сорок лет до того, как Августин впервые прибыл в Кентербери. Все то, что я стремился обрисовать в этих лекциях как органические противоречия европейской традиции, можно найти в зачаточном состоянии в Бангоре Комгалла. Несомненно, это был один из оживленнейших центров учености в Ирландии того времени. Скорее всего, истоки ирландской национальной литературы, то есть первая стадия в упрочении национальной идентичности, коренятся именно в Бангоре или около него, здесь, в Ольстере. В этом смысле Ирландия фактически показала пример всей Европе. Но Бангор был также вполне универсалистским местом. Колумбан⁴⁵ был учеником Комгалла и жил здесь много лет, прежде чем отправился на

⁴¹ Шекспир. Цимбелин. Акт 3 (пер. А. Курошевой) (*Прим. пер.*).

⁴² Королева из пьесы «Королева фей». Эдмунд Спенсер (1552–1599) — английский поэт елизаветинской эпохи, старший современник Шекспира (*Прим. пер.*).

⁴³ Нетитулованное мелкопоместное дворянство (*Прим. пер.*).

⁴⁴ Шекспир. Цимбелин. Акт 3 (пер. А. Курошевой) (*Прим. пер.*).

⁴⁵ Св. Колумбан (540–615) — ирландский монах, просветитель, миссионер в странах Западной Европы (*Прим. пер.*).

континент, чтобы основать великие монастыри Люксёй и Боббио. Здесь жил также Колумба⁴⁶, и Комгалл присоединился к нему на какое-то время в Ионе, при крещении пиктов. Таким образом, нет ничего узконационалистического в наследии комгалловского Бангора. Наоборот, там велась работа в двух направлениях, и для создания ирландской идентичности, и для международного католицизма.

Повторим: если Ирландия Комгалла уже была по большей части единой по языку, мифологии, религии и закону, она также была и разделенным островом, даже, скажем чуть провокативно, разделенным на Север и Юг. Приведу пример⁴⁷. Есть история, записанная в более позднее время, о том, как Кормак, сын Диармуида, короля Лейнстера, отказался от короны, чтобы стать монахом. Он пошел на север, в Ольстер, чтобы присоединиться к общине в комгалловском Бангоре. Колумбан также пришел в Бангор из Лейнстера, и примерно в тот же период. Спустя какое-то время, как гласит история, Кормак не смог больше выносить разлуки с родиной, и Комгалл позволил ему вернуться на Юг. Во время путешествия он заснул на склоне холма и во сне увидел все красоты Лейнстера и его жителей. Когда он проснулся, ему этого оказалось достаточно, и, вернувшись в Бангор к Комгаллу, он оставался там до самой смерти.

Нет никакого сомнения в том, что уже во времена Комгалла существовало

реальное единство Ирландии, также как нет никаких сомнений в том, что Ирландия уже принадлежала к великой общности, простирающейся на всю Европу. Также нет сомнений, что политическая модель ирландской идентичности, как и века спустя, позволила Ольстеру достаточно отличаться от Лейнстера, чтобы в истории Кормака был смысл. Я не хочу сказать, что верность древнейшим ирландским традициям предполагает постоянное сохранение границы между Ольстером и Югом. Моя мысль заключается в другом. Я считаю, что узкоунитарная модель национального государства, которую предлагала Англия, выглядит чуждой для ирландского духа. Для него в порядке вещей, что на одном уровне Ольстер и Лейнстер — это различные реальности; на другом уровне Ирландия — это единое национальное сообщество, а на третьем уровне территориальные границы наций вполне сняты, и ирландцы могут быть как дома в Ионе, Боббио, Риме или Брюсселе. Шекспир, несомненно, думал о чем-то подобном, когда завершал «Цимбелина» добровольным решением Британии еще раз выплатить дань Европе. Последний приказ короля вполне недвусмыслен:

Пусть веют дружно
Британские и римские знамена!⁴⁸

Что может быть лучше такого завершения в очерке о национализме?

Перевод с английского
Андрея Иванова и Кириллы Титова

⁴⁶ Св. Колумба (521—597) — ирландский монах, проповедник христианства в Шотландии (*Прим. пер.*).

⁴⁷ *Robin Flower. The Irish Tradition. Oxford, 1947. P. 22; cf. Dáibhí Ó Cróinín. Early Medieval Ireland 400–1200. London, 1995. P. 54.*

⁴⁸ *Шекспир. Цимбелин. Акт 5 (пер. А. Курошевой) (Прим. пер.).*